

КВИЛЛИФЕР

КВИЛЛИФЕР

QUILLIFER THE KNIGHT

LORD QUILLIFER

WALTER JON
WILLIAMS

QUILLIFER

УОЛТЕР ЙОН
УИЛЬЯМС

КВИЛЛИФЕР

FANIZON

МОСКВА
2024

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
УЗ6

Walter Jon Williams
QUILLIFER

Copyright © 2017 by Walter Jon Williams

Перевод *Владимира Гольдича и Ирины Оганесовой*
Дизайн *Елены Куликовой*
Иллюстрация *Алексея Дурасова*

Fanzon Publishers
An imprint of Eksmo Publishing House

Уильямс, Уолтер Йон.

УЗ6 Квиллифер / Уолтер Йон Уильямс ; [перевод с английского В. Гольдича, И. Оганесовой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 560 с. — (Fantasy World. Лучшая современная фэнтези).

ISBN 978-5-04-198764-0

Квиллифер молод, влюблен, изучает право и каждый день все острее осознает, что порт его любимого города Этельбайта могут закрыть. Но его ждет куда большее потрясение, когда, вернувшись домой, он обнаружит, что город атакован пиратами, на улицах кишат разбойники, а семья и друзья взяты в плен.

Сначала он должен спастись и пережить ночь. Затем — оставить свой дом, чтобы отправиться в путешествие по Дьюсланду в поисках союзников, которые помогут ему отомстить и вернуть Этельбайту свободу. Квиллифер решителен, и эта решительность может нарушить политический баланс и навсегда изменить страну.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-198764-0

Посвящается Кэти Хеджес

Г Л А В А 1

Я слышу, как воды Дорделле тихонько посмеиваются, ударяя в корпус нашей лодки, вижу серебристое сияние лунного света на краешке нашего маленького иллюминатора, ощущаю тепло ночного воздуха. Мои чувства наполнены твоим сиреневым ароматом. В лунном свете мне видны твои открытые глаза, которые устремлены в темный угол моей каюты, но на самом деле прозревают твоё будущее. Ведь ты начинаешь новую жизнь, которая так далека от всего, что ты знала прежде, и это тревожит. Я мог бы помочь тебе забыться сном. Не раз я начинал жизнь сначала, и, вполне возможно, мне удастся убаюкать тебя, рассказывая мою собственную историю. Так что вернись в постель, мое сердце, и положи голову мне на плечо, а я буду гладить твои волосы и поведаю, как стал тем, кто я есть.

Боюсь, что в жизни моей окажется куда больше глупых поступков, чем мудрых. И начать, пожалуй, нужно с глупого поступка: как я вишу вниз головой над улицей на высоте третьего этажа и размышляю о превратностях Судьбы. Колесо описало полный круг, и все случилось почти мгновенно: всего пару минут назад я лежал на теплой перине с Аннабель Грейсон, дочерью землемера, а теперь повис снаружи дома, на уровне третьего этажа, подставив свое почти полностью обнаженное тело холодному ветру, в то время как отец Аннабель бушует в спальне в поисках злодея, который совратил его дочь.

Злодеем, конечно, был я.

Звучит забавно, и ты смеешься, но тогда мне было совсем не до смеха — оказаться главным героем назидательной басни. Поэтому я решительно избежал последней сцены с воздаянием за грех, наверняка включавшей бы в себя суд, бичевание и пригвождение к позорному столбу.

Что заставляет отцов, равно как и братьев, становиться препятствием на пути истинной любви?

Дом Грейсона был узким и глубоким, как и большинство зданий в Этельбайте, со сложенным из твердого камня первым этажом, над которым возвышались остальные, построенные из полукруглых деревянных балок и выступавшие, каждый чуть дальше другого, над улицей. От конька крыши выступала балка с большим черным железным крюком на конце, необходимая для подъема мебели и припасов на верхние этажи.

Я висел на балке рядом с железным крюком, который оказался всего в нескольких дюймах от моего лица, и надеялся, что не окажусь повешенным на нем же в ближайшие двадцать минут.

Балка была скользкой от голубинового помета. Я изо всех сил вцепился в нее пальцами, совсем как барсук, который откапывает когтями зарывшегося в нору кролика.

Я скорчил раздраженную гримасу судебного пристава. *И ведь все это из-за того, что она попросила меня помочь ей с костюмом Русалочки.* И я согласился исключительно из рыцарского благородства — я соглашался со *всеми* требованиями Аннабель, — а в итоге очутился в прискорбном положении: над темной бездной.

Следует признать, что для меня стала сюрпризом щедрая натура Аннабель.

Я гораздо больше внимания уделял Бетани Драйвер, другой русалочке, но в костюме Аннабель порвались кружева, и она попросила о помощи, и моя судьба свернула на новый путь.

Несколькими часами ранее я проник в этот дом через тот же самый фронтон, чтобы не встретиться с конюхом, спавшим возле двери. Аннабель заверила меня, что ее отец с подмасте-

рьями находится в отъезде, на землемерных работах, а мать отправилась в гости к родственникам в Амберстоуне и что единственная, кроме конюха, прислуга в доме была глухой старой женщиной, зажигавшей светильники по утрам.

Возможно, пожилая дама была не настолько глухой, как казалась. Но в любом случае кто-то отправил записку землемеру Энтони Грейсону, которому пришлось добрую половину ночи проскакать, чтобы увидеть двери родного дома в тот самый момент, когда на восточной части неба уже забрезжил рассвет. Городские ворота еще даже не открыли — должно быть, Грейсон подкупил стражников, чтобы его пропустили.

Услышав рев и стук у входной двери, я отреагировал мгновенно — впрочем, я не был новичком в подобных житейских обстоятельствах. Взбежав вверх по лестнице, я покинул дом тем же способом, каким в него проник, не успев, однако, до конца одеться. По пути наверх я успел только натянуть рубашку. Туфли висели у меня на шее на шнурках, а ремень с кожаным кошельком я сжимал в зубах. На голове у меня красовалась шапочка из черного бархата с красной окантовкой, повернутая козырьком назад, что указывало на то, что я являлся учеником адвоката. Лосины, камзол и тунику я прижимал к груди.

Мое положение усугублялось тем, что оба подмастерья Грейсона гарцевали верхом на лошадях прямо подо мной. И мне бы не хотелось уронить на них свои вещи, поскольку для этих двоих дождь из моей одежды наверняка стал бы неожиданностью. Но и продолжать висеть на балке я не мог: Грейсону достаточно было выглянуть в окно, чтобы увидеть меня, висевшего снаружи и представлявшего собой весьма неподобающую картину.

Я очень осторожно рассортировал свои вещи и набросил их на балку в надежде, что они продержатся на ней хотя бы ближайšie несколько минут. Потом посмотрел вниз на широкие шляпы подмастерьев и вытянулся, насколько мог беззвучно, вдоль верхней части балки.

Голубиный помет перепачкал мою грудь, а волосы, которые я специально не стриг — поскольку дамы находят, что мне идут

длинные локоны, — упали на лицо. В кошеле громко, словно набатный звон, звякнули монеты. Я изобразил гримасу плачущего младенца и замер, стараясь следить за тем, что происходило внизу, не двигая головой.

Если кто-то и услышал звон монет, ему не пришло в голову посмотреть наверх. Дрожа от холода — а может быть, ужаса, — я сумел встать на балке на четвереньки.

Кровь стучала у меня в голове с таким звуком, с каким шар для боулинга врезается в кегли. Папаша Грейсон продолжал орать и метаться по дому в сопровождении умоляющих возгласов дочери и ворчания беззубой старой служанки. Я решил, что настало время покинуть мой насест, и осмотрелся. Крыша дома Грейсонов была черепичной. Ранее я уже прошел по ней почти бесшумно, но понимал, что, если теперь случайно уроню кусок черепицы вниз на улицу, это сразу привлечет внимание подмастерьев.

Однако дом на противоположной стороне улицы был крыт соломой, и к тому же верхние этажи сильно выступали над улицей и почти полностью соединялись между собой, так что у меня имелась превосходная возможность перепрыгнуть с одного на другой. Конечно, прыжок не мог получиться совершенно беззвучным, но шума будет меньше, чем от приземления на черепицу, к тому же на соломенной крыше я сразу стану невидимым для подмастерьев, карауливших меня внизу.

Трудность состояла в том, что противоположный дом был немного выше жилища Грейсонов, и мне следовало соблюдать величайшую осторожность во время прыжка, если я не хотел сорваться вниз.

И все же прыжок был вполне реален. Я довольно высок и широкоплеч, и к тому же моя юность прошла на отцовской бойне, так что при своем росте я весьма силен.

Я задумался, стоило ли перед прыжком перебросить одежду, и решил начать с пояса и кошеля. И как только я с этим справился, за спиной у меня раздался громкий стук, и сзади неожиданно упал бледный свет фонаря, появившегося в комнате рядом с балкой.

Тревога заставила меня мгновенно вскочить на ноги с одеждой в руках, и мне пришлось встать босыми ногами на скользкую балку, покрытую голубиным пометом.

И тут я услышал у себя за спиной вопль — Грейсон увидел меня в окно, — и я в тот же миг бросился на крышу противоположного дома. Моя нога скользнула по помету, и внутри у меня все сжалось от страха, когда я представил, что вот-вот свалюсь вниз. Я широко раскинул в стороны длинные руки, чтобы ухватить как можно больше соломы, и моя одежда полетела на мостовую. Ноги повисли над бездной, но мне удалось вцепиться мертвой хваткой в солому и не упасть на выложенную плиткой улицу.

— *Вор! Вор!* — прокатился по улице голос Грейсона, выкрикивавшего слово, которое гарантированно встревожит соседей — ведь, если бы он завопил: «Прелюбодей!», те только посмеялись бы над ним, и вдобавок это покрыло бы позором его дочь. Грейсон высунулся из окна, показывая на мои босые ноги и ягодицы, белевшие в свете лампы. Снизу донеслись крики подмастерьев и послышался цокот копыт, с которым они разворачивали лошадей.

Я потерял одежду. Но повезло в том, что Грейсон не мог узнать меня сзади, и я устремился к спасению: вскочил на ноги и побежал.

— *Поймайте его!* — взревел Грейсон. — *Переломайте ему ребра! А потом приведите ко мне!*

Я бежал. К тому моменту, когда прищпоренные лошади учеников очнулись, я уже перепрыгнул на конек крыши другого здания и с грохотом распростерся на черепице.

Сердце колотилось у меня в груди, точно взбесившийся зверь, но я снова вскочил на ноги и помчался по коньковому брусу в сторону следующей крыши. В молодости я любил перепрыгивать с одной крыши на другую — обычно так мы развлекались с моими друзьями: цель игры заключалась в том, чтобы первым добежать до платформы с пушками у Северных Ворот или позвонить в колокол на крыше Монастыря Паломника, и все это следовало сделать, ни разу не ступив ногой на землю.

Впрочем, надо сказать, что в прежние времена я проделывал это при ярком свете дня и к тому же я уже давно не практиковался. От гонок по крышам мне пришлось отказаться с того момента, как я поступил в обучение к адвокату Дакету, поскольку ученикам адвокатов не подобает посягать на чужую собственность.

Но, хотя мне недоставало тренировок, погоня вдохновила меня и придала сил.

Перескакивая через узкие аллейки и переулки между домами, приземляясь то на ноги, то на руки и колени, то падая животом, я достаточно сильно смог оторваться от преследователей, пока не добрался до Королевской улицы, слишком широкой, чтобы через нее перепрыгнуть. Здесь, тень в тени, я укрылся за сложенной из кирпича изящной печной трубой, затаив дыхание и успокаивая отчаянно бившееся сердце, чтобы расслышать в тишине звуки погони.

До меня донесся стук копыт скакавших галопом лошадей, которые понемногу замедлили бег и перешли на шаг, когда всадники поняли, что упустили добычу. Один из верховых неспешно заехал на Королевскую улицу, я сидел, не шелохнувшись, за трубой, и лошадь с всадником двинулись дальше. Некоторое время спустя шум преследователей полностью стих вдали.

Встававшее солнце начало золотить трубы и крыши города, а я принялся обдумывать свое положение. Между мной и домом моего отца раскинулась огромная площадь Скаркрофт и множество широких, непреодолимых для прыжков улиц, и я понимал, что мне в любом случае придется какую-то часть пути проделать по земле. И раз уж это неизбежно, то лучше спуститься вниз сейчас, пока еще окончательно не рассвело.

В неподвижном утреннем воздухе прозвучали три громких удара — сигнал Рассветного колокола, расположенного возле Ворот Порты, по которому открывались все городские ворота Этельбайта.

Я больше не мог терять времени. Продумав маршрут, который включал в себя небольшой отрезок пути по земле, я вы-

брался из моего убежища, а затем перепрыгнул через две узкие улицы: теперь, когда рассвело, это стало гораздо легче. И во второй раз я потревожил колонию уютно устроившихся на карнизах китлингов. Возможно, ты еще не слышала про них, поскольку они совсем недавно прилетели к нам из Страны Хи-мер: это пухлые, мохнатые существа с крыльями, появившиеся в Этельбайте в течение нескольких последних лет. Размером они немногим превосходят крыс, и им нравится сидеть над улицей, откуда они выслеживают мышей, птиц и других мелких животных, чтобы затем спикировать на мохнатых крыльях и стремительно атаковать жертву.

То, что их называли «китлингами», вводит в заблуждение, поскольку они больше всего напоминают крупную орешниковую соню, однако отчасти это имя оправдывается тем, что они убивают различных вредителей примерно так же, как кошки. А так как они небольшие и приносят пользу, мы не пытаемся с ними бороться, хотя слегка беспокоимся по их поводу. Ведь всем известен тот факт, что даже драконы вначале были маленькими.

Одновременно с моим следующим прыжком я опять услышал крик Грейсона: «*Вор! Вор!*» — оказывается, разгневанный землемер в этот момент оказался внизу, рассчитывая увидеть, как я пролетаю у него над головой, а стайка потревоженных китлингов привлекла его внимание и выдала мое местонахождение, в результате мне пришлось совершить еще один безумный забег с крыши на крышу, пока погоня окончательно не потеряла меня из виду. Уже полностью рассвело. Единственное достоинство бледного осеннего солнца состояло в том, что под его лучами стало немного теплее, чем холодной осенней ночью, и я устроился с восточной стороны трубы, где солнечный свет мог меня хоть немного согреть, пока я пытался отдышаться и привести в порядок слегка затуманенный разум.

По крайней мере, я мог утешаться тем, что Грейсон гонялся за мной по городу, а не задержался дома, чтобы выпороть дочь. Для меня была бы невыносима мысль об Аннабель, запертой, как в ловушке, один на один с бесновавшимся тираном.

Я знал, что совсем скоро на улицах появятся первые прохожие, и, чтобы не привлекать ненужного внимания, я решил раздобыть одежду. Чтобы заняться поисками, я перепрыгнул на большое здание, где с грохотом приземлился на черепицу крыши и заглянул вниз. Но не увидел в окутанном тенями дворе вывешенного на просушку белья, поэтому просто перелетел на соседнее здание, подняв тучу соломенной пыли, и тут же увидел то, что мне требовалось: на веревках висело высохшее за ночь белье, пустое корыто стояло в стороне рядом с маленьким бассейном с водой, и ни одной прачки рядом.

Ловко используя пальцы рук и ног, я пробрался по ступенчатому щипцу фронтона, потом по карнизу, потолочной балке, затем мимо овального чердачного окна «бычий глаз», архитрава и решетки и наконец спустился на твердую землю. Быстро размяв сведенные судорогой пальцы, я прошел босиком по дорожке из старого кирпича и снял с веревок тунику, лосяны и камзол и уже собрался натянуть на себя через голову тунику, но в последний момент вспомнил о плачевном состоянии своей рубашки. С ней, конечно, было все в порядке, если не считать того, что она пропиталась потом, сажей, пылью и голубиным пометом и могла запачкать мою новую одежду, поэтому я сменил ее на другую, чистую, висевшую рядом на веревке.

Я сказал себе, что должен найти способ рассчитаться за одежду. Воровство, по моему глубокому убеждению, недостойно меня.

Принарядившись, я направился в сторону больших ворот, которые выходили на узкую тропинку за домом, но остановился, заметив, что за мной наблюдает стоявший возле двери мальчишка, одетый в грязную сорочку и единственный чулок на левой ноге, не сводивший с меня огромных голубых глаз. Я подошел к нему.

— Кто твоя хозяйка? — спросил я.

Ребенок вытер поток соплей из носа рукавом.

— Маму зовут Пранк. — Во всяком случае, мне *послышалось*, что он сказал Пранк.

Я открыл кошелек и мысленно произвел быстрые подсчеты. Новые лосины стоили шестипенсовик, рубашка — целую крону, однако я оставил вместо нее свою, из лучшей ткани. Камзол, как и туника, оказались протертыми во многих местах. Ну, и не следовало забывать моральный ущерб за беспокойство, вызванное моим вторжением. Скажем, пусть будет крона.

Я дал крону мальчику.

— Отдай маме, — сказал я и добавил полпенни. — А это тебе.

Мальчишка взглянул на серебряные монеты у себя на ладони.

— Сутенер, — сказал он мне и снова вытер нос.

Меня уже обозвали с утра вором, которым я не был, а теперь вдобавок какой-то мальчишка объявил сутенером. Я решил, что на сегодня с меня довольно оскорблений.

— Это для твоей *матери*, — сказал я, заканчивая разговор, и решительно зашагал к дубовым воротам высотой в двенадцать футов.

Я легко перелез через них и соскочил вниз.

Через две минуты я уже преспокойно шагал по Королевской улице.

Я шел и восторгался родным городом Этельбайтом, великолепной драгоценностью в устье реки Остры. Дома стояли в определенном порядке, и их верхние этажи нависали над улицами. Фронтоны чаще всего имели вид ступенчатых шипцов или тянулись вверх изящными кривыми пьедиментами, деревянными башенками или колокольнями. Овальные чердачные окна в виде бычьего глаза или с узкими витражными стеклами блистали в лучах восходившего солнца. На полукруглых деревянных балках, богато украшенных резьбой, можно было разглядеть жонглеров, акробатов, богов и причудливых животных или торжественные и respectable лица бюргеров-домовладельцев.

Город построили на мягкой почве дельты, и почти все дома либо клонились вбок, либо опирались друг на друга или вставали на дыбы, точно медведь перед атакой на врага. Моряки